

Alexey Zhavoronkov. *Nietzsche und Homer. Tradition der klassischen Philologie und philosophischer Kontext.*

Walter de Gruyter, 2021.

Для цитирования: Бугай, Д.В. Рецензия на книгу *Nietzsche und Homer. Tradition der klassischen Philologie und philosophischer Kontext*, Alexey Zhavoronkov. *Историко-философский ежегодник* 37 (2022): 444–448.

For citation: Bugay, Dmitry V. Review of *Nietzsche und Homer. Tradition der klassischen Philologie und philosophischer Kontext*, by Alexey Zhavoronkov. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 37 (2022): 444–448. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 26.07.22

Принята к публикации / Accepted: 28.07.22

Книга, о которой здесь пойдет речь, написана нашим соотечественником на немецком языке на основе диссертации, которую ее автор, Алексей Геннадьевич Жаворонков, защитил в 2013 г. на философском факультете Университета Гумбольдта в Берлине. Книга стала 76 томом серии «Монографии и тексты к исследованиям Ницше», которую уже многие десятилетия издают наиболее компетентные в области исследований Ницше специалисты. Работа Жаворонкова посвящена теме, которую, на самом деле, довольно сложно определить. Конечно, можно сказать, что она посвящена роли фигуры Гомера в творчестве Ницше, но здесь мы сразу оказываемся в лабиринте

из множества вопросов, сомнений, недоумений: что такое «подлинный» Гомер? Что Ницше думал о том, что такое Гомер? Что в наши дни считают Гомером? Что считалось Гомером во времена Ницше? А с другой стороны, и сам Ницше не многим уступает Гомеру в возможности точно определить, чем он был на самом деле и чем он стал в веренице прочтений и интерпретаций. В последнем случае мы, конечно, можем указать даты жизни, но станет ли от этого яснее мысль Ницше?

Алексей Жаворонков подошел к этой непростой задаче определения «импакт-фактора» Гомера для мысли и творчества Ницше во всеоружии филологической компетенции. Как филологическая работа его исследование читается с большим наслаждением. Автор прекрасно владеет «традицией классической филологии», отлично знает специальную литературу, посвященную Ницше и Гомеру, на немецком и английском языках, способен цитировать к месту на латыни Вольфовы «*Prolegomena ad Homerum*». Он контекстуализирует гомеровские штудии Ницше в контексте обсуждения гомеровского вопроса в Германии XVIII–XIX вв., точно и емко описывает основные линии этой интерпретации, выясняет «генеалогию» подходов самого Ницше, показывает сильные и слабые стороны Ницше-филолога, дает указания на то, что в интерпретациях Ницше окажется востребованным в «гомероведении» XX в. А. Жаворонков подробно и ясно, дотошно и скрупулезно анализирует все тексты «базельского» Ницше, так или иначе посвященные «гомеровскому вопросу», так что читатель получает полное представление о всех случаях обращения Ницше к гомеровскому эпосу, что уже само по себе немаловажно.

Однако работа А. Жаворонкова посвящена не только и не столько значению Гомера для «раннего» Ницше, Ницше-филолога. Он переходит к описанию и анализу того, какую роль сыграл Гомер и гомеровский эпос в творчестве «среднего» и «позднего» Ницше – Ницше, покинувшего покойную стезю классической филологии ради одиноких и крутых маршрутов «экспериментальной» философии. Здесь автор переходит от Ницше как самобытного ученика Фридриха Ричля к Ницше – автору «Рождения трагедии из духа музыки» и других уже философских сочинений, от описания контекста «гомеровского вопроса»

в немецкой филологии к эстетическим и мировоззренческим текстам немецкого гуманизма и романтизма, связанным с именем Гомера и эстетической оценкой гомеровского эпоса. Посвоему интересны наблюдения и суждения А. Жаворонкова об образе Одиссея у Ницше, хотя не всегда его предположения казались мне основательными. Весьма поучительна четвертая глава исследования, посвященная гомеровской морали в интерпретации Ницше, где А. Жаворонков *inter alia* справедливо подчеркивает значение, которое Ницше придавал раннему греческому политеизму сравнительно с монотеизмом последующих религий. Стоит также отметить очень содержательные и важные пятую и шестую главы монографии, посвященные отношению Ницше к Платону и значению мысли Ницше для интерпретации Гомера немецкими и английскими филологами XX в. К сожалению, недостаток места не позволяет говорить об этой работе подробно, поэтому – лишь такие отдельные замечания и размышления.

Одним словом, перед нами прекрасное научное исследование, замечательная и дельная ученая монография, в которой и филолог-классик, и профессиональный «ницшевед», как, впрочем, и дилетант, найдут для себя много интересного, полезного и заслуживающего внимания материала. Но имеем ли мы здесь дело с книгой? Ученая монография может исследовать любой вопрос, любую проблему, которую кто-то когда-то уже поставил. Книга, тем более философская, говорит о том, что с необходимостью вытекает из самого дела, из самого существа вопроса. Связаны ли с необходимостью, связаны ли существенной связью Ницше и Гомер? Почему именно Гомер? Почему не Гесиод? Не Феогид? Не Фукидид, наконец? Несмотря на то, что автор монографии обосновывает свой выбор и с научной точки зрения его позиция вполне «релевантна», мне она не казалась убедительной, убеждающей.

Да, Ницше прочел свою вступительную речь в Базеле, посвятив ее личности Гомера и гомеровскому вопросу, да, Ницше «касался» этих тем в лекциях, в своем издании «Соревнования», даже в поздних сочинениях, но что в этом действительно важного для понимания личности Ницше и его мысли? Если в темах «Ницше и Вагнер», «Ницше и Шопенгауэр», «Ницше

и Стендаль», «Ницше и Галиани» мы прикасаемся к по-настоящему значимым, определяющим факторам влияния, то «Ницше и Гомер» – тема, которая хороша *formaliter*, но вряд ли *natura*. Конечно, Ницше знал Гомера и знал хорошо, а гомеровский мир, безусловно, входит в качестве одного из компонентов в представления Ницше о подлинном, изначальном, доплатоновском мире греков, присутствует так или иначе за авансценой его рассуждений и прозрений, но вряд ли играет какую-нибудь самостоятельную роль. Гомер для Ницше – один из многих способов сказать об ужасе и жестокости ранней эпохи, иногда – наряду с Эсхилом, Шекспиром и Гёте – он образчик художника, олицетворение искусства, которое удобно риторически противопоставить «аскетическому идеалу» Платона, но Гомер никогда не представляет для Ницше чего-то исключительного. Насколько Гомер важен, например, для Гёте, настолько мир гомеровского эпоса затерян где-то на обочине вселенной Ницше, образуя какую-то первобытную туманность.

Естественно, желание увидеть в фигуре Гомера нечто весьма важное для Ницше иногда приводит А. Жаворонкова к «вчитыванию» в невинные и вполне понятные пассажи Ницше, где упомянут Гомер, каких-то сложных смыслов. Например, на с. 59 в разделе «Гомер и декаданс» Жаворонков приводит фрагмент из наследия философа, в котором Ницше рассуждает о том, что философы – имеется в виду Платон – напрасно возлагали ответственность за распад греческого мира на Гомера, видели в гибели Греции вину Гомера, мифа, античной нравственности и т.д. Но Жаворонков увидел здесь как бы ницшевскую «речь от первого лица», а не его упрек философии в том, что она попыталась переложить вину с больной головы на здоровую, обвинить не себя со своей диалектикой разложения, но «подлинно эллинское»: Гомера, миф, древние нравы.

Слишком много вчитывает А. Жаворонков (с. 70–2) и в отрывок из «Человеческого слишком человеческого», где в конце рассуждения о греках, которые, по Ницше, умели преодолеть накатывавшие на них время от времени волны духовной азиатчины, философ, назвав греков «хорошими пловцами и ныряльщиками», именует их «народом Одиссея». Морские странствия Одиссея, его многотрудные плаванья вполне достаточны для

этой беглой, риторически – не философски – целесообразной характеристики, для переноса части свойств Одиссея на его народ. Зачем усматривать в Одиссее символ сопротивления Азии и – совсем уж натянуто – привлекать сюда эпизод с Сиренами? Я уже не говорю о том, что вряд ли можно увидеть в Одиссее «продуктивный симбиоз аполлонийского с дионисийским» (с. 72). Конечно, при желании можно во всем угадать все, а Одиссея можно истолковать и таким образом, но стоит ли это делать? Зачем? Почти то же самое можно сказать о сравнении А. Жаворонковым фрагмента Ницше, где идет речь об управлении собственными вожделениями, и сцены из последней песни «Одиссеи» (с. 78), а также об истолковании «Среди дочерей пустыни» в «Так говорил Заратустра» (Там же) и о связи между парой Одиссей/Терсит и Заратустра/шут (с. 84). Не случайно здесь в исследовании А. Жаворонкова появляется ссылка на Стенли Розена, одного из самых неумеренных «аллегористов» нашего времени (с. 85). Увлеченность своей темой в этих местах играет с автором недобрую шутку, хотя стоит отметить, что некоторая натянутость его интерпретаций все же искупается ясным стилем, отличным знанием текстов Ницше и сокровищниц греческой филологии.

Д.В. Бугай,

МГУ имени М.В. Ломоносова

119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россия

komoni@yandex.ru